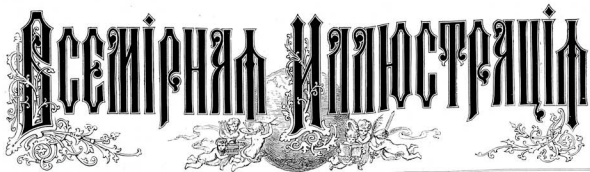

Всепрныя илюстрацыя

A decorative horizontal banner featuring the title 'Всепрныя илюстрацыя' in a stylized, blackletter-style Cyrillic font. The text is flanked by ornate floral and scrollwork designs. Below the text, a central illustration depicts a globe resting on a cloud, with two cherubs (putti) standing on either side, holding the globe. The entire composition is framed by a thin horizontal line.

Гюберові, въ которыхъ это чувство сохранилось такимъ же широкимъ и послѣ пережитыхъ ими несчастій. Гюберъ всю свою жизнь старался изгладить изъ памяти своей жены материнское проклятіе, въ которомъ онъ считалъ себя виноватымъ; въ особенности послѣ смерти единственного ребенка, онъ не сомнѣвался, что жена ему приписываетъ это несчастіе, и страстно желалъ, чтобы она когда нибудь простила ему. Желаніе его исполнилось; Гюбертина души не чаяла въ своемъ мужѣ; но порою онъ сомнѣвался въ ея любви, и это его терзало. Чтобы убѣдиться, что гордая теща его наконецъ смягчилась, хоть на томъ свѣтѣ, онъ хотѣлъ въ доказательство имѣть другаго ребенка. Этотъ ребенокъ былъ необходимъ, онъ долженъ былъ принести съ собою полное прощеніе. Гюберъ боготворилъ свою жену: еслибы можно было, онъ вѣчно стоялъ бы передъ нею на колѣнахъ, какъ женихъ, только что сдѣлавшій предложеніе. При постороннихъ онъ конфузился поцѣловать ее даже въ голову; въ ея спальню онъ и теперь входилъ съ такимъ же смущеннымъ видомъ, какъ въ первую ночь послѣ свадьбы. Ихъ спальня до сихъ поръ хранила таинственный видъ съ ея обоями въ синихъ букетахъ, орѣховой мебелью, крытой кретономъ; отсюда вѣяло нѣжностью и спокойствіемъ на весь домъ. Подъ этимъ же вѣяніемъ тихой любви выросла и Анжелика, пылкая, но чистая сердцемъ.

Продолженіе слѣдуетъ

ВСЕВОЛОДЪ ГАРШИНЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ

Виктора Бибицова

Окончаніе

Въ началѣ 1887 года я часто, ежедневно, а иногда и по нѣскольку разъ въ недѣлю, видался съ Гаршинимъ. Можно сказать, что время это, до лѣтнихъ мѣсяцевъ 1887 года, было послѣднимъ счастливымъ временемъ въ жизни В. М. Увлеченный дѣятельностью общества „Посредникъ“, изданія котораго на первыхъ порахъ расходились въ массѣ экземпляровъ, Гаршинъ хотѣлъ видѣть въ ней то настоящее живое дѣло, которое захватило бы всего его и котораго онъ такъ жадно искалъ всю свою жизнь. Онъ издалъ нѣсколько рассказовъ въ этой фирмѣ, написалъ даже для нея особый рассказъ „Сигналъ“, пропагандировалъ это общество въ литературныхъ кружкахъ, и для него было личной обидой, если кто нибудь выражалъ сомнѣніе въ полезности этого предпріятія. Тогда же только что появилась драма Льва Толстаго „Власть тьмы“. В. М. читалъ ее еще въ рукописи, выучилъ почти наизусть, постоянно приводилъ въ держки изъ пьесы и усиливъ ей колоссальный успѣхъ. Однако его ожиданія не оправдались. Слѣшкомъ разнорѣчивые толки, продолжающіеся и доселѣ, встрѣтили новое произведеніе Толстаго, и успѣха, равносильнаго успѣху „Смерти Ивана Ильича“, пьеса не имѣла. Въ эту же зиму онъ усиленно трудился надъ давно уже задуманнымъ имъ романомъ изъ эпохи Петра Великаго. Онъ собралъ необходимыя матеріалы, много читалъ, дѣлалъ выписки. Работа кнѣзла и спорилась въ его рукахъ; онъ часто говорилъ о ней, и въ его бумагахъ, — если только передъ смертью онъ ихъ не истребилъ, — должна сохраниться первая часть романа.

В. М. былъ членомъ комитета литературнаго фонда и много работалъ по дѣламъ этого общества, былъ членомъ педагогическаго кружка, издающаго книги; въ этомъ же году его набрали въ дѣйствительные члены литературно-драматическаго общества, и немало времени отнимала у него служба — секретарство при сѣздѣ представителей желѣзныхъ дорогъ III группы.

Онъ ни минуты не могъ сидѣть безъ дѣла; если къ нему приходили знакомые, при которыхъ нельзя было читать, онъ, разговаривая съ ними, переплеталъ книги (онъ былъ искуснымъ переплетчикомъ), и почти всѣ книги его небольшой, но прекрасно составленной библиотеки — въ переплетахъ его работы.

У Гаршина былъ свой взглядъ на дѣятельность писателя; онъ говорилъ: — „если прочитанная книга возбудила во мнѣ, помимо признанія таланта, еще и любовь къ автору, такую любовь, что мнѣ хочется съ нимъ познакомиться, — значить, авторъ достигъ цѣли, разумѣется, по отношенію ко мнѣ. Хотя“, — прибавлялъ онъ, — „мнѣ кажется, что это общій законъ“. Онъ отглаголилъ формулу „искусство для искусства“, и когда я, между прочими доводами въ ея защиту, приводилъ слова Пушкина, что „дѣла поэзии — поэзія“, Гаршинъ возражалъ, что говорить такъ могъ только одинъ Пушкинъ, дѣлавшая художественная натура котораго ни въ одномъ изъ стремленій своихъ не могла сдѣлать ошибки; а когда я ссылался на любимцевъ Гаршина — Флобера и Мериме (романъ Мериме „Коломба“ былъ переведенъ В. М.), то онъ всегда отвѣчалъ мнѣ пушкинскимъ стихомъ изъ его перваго посланія къ цензору: — „Что нужно Лондону, то рано для Москвы“, и заключалъ споръ убѣжденіемъ, что въ Россіи можетъ имѣть успѣхъ и право на существованіе писатель-учитель, вѣчно стремящійся къ идеаламъ правды, добра и красоты и будищій то же чувство въ своихъ читателяхъ. Споры оканчивались обоюднымъ соглашеніемъ, потому что, если я противорѣчилъ Гаршину въ теоріи, то представляемые имъ писатели, какъ Левъ Толстой, Диккенсъ, Тургеневъ и Флоберъ, побуждали меня согласиться. Разумѣется въ концѣ концовъ, его, какъ художника, могъ тронуть только настоящий талантъ, и, — какими бы честными и добрыми намереніями ни задавался бездарный писатель, — никто, какъ Гаршинъ, не умѣлъ такъ хорошо замѣтить всѣ слабости или смѣшныя стороны произведенія, и никакими партійными тенденціями нельзя было тронуть его, какъ художника.

Изъ своихъ сверстниковъ-писателей В. М. особенно любилъ М. Бѣлинскаго (І. Ясинскаго) и Альбова. Онъ высоко цѣнилъ таланты названныхъ беллетристовъ, и когда вышелъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ романъ Ясинскаго „Путеводная звѣзда“, Гаршинъ однимъ изъ первыхъ прочиталъ эту трогательную псесу, говорилъ мнѣ о своемъ восхищеніи и досадовалъ, что, въ силу господствовавшего въ литературныхъ кружкахъ неглаголимаго убѣжденія, будто бы онъ и Ясинскій — соперники, ему было неловко высказать автору свое одобреніе. На литературномъ вечерѣ у своего брата, гдѣ присутствовалъ и Ясинскій, Гаршинъ нѣсколько разъ подходилъ ко мнѣ и говорилъ: — „вотъ чудесная вещь! какъ бы мнѣ сказать это Ясинскому“. Но онъ такъ и не рѣшился подойти съ похвалами къ автору „Путеводной звѣзды“.

Всеволодъ Гаршинъ обладалъ солидной начитанностью по всѣмъ отраслямъ знанія; онъ свободно владелъ французскимъ языкомъ и зналъ англійскій и нѣмецкій настолько, насколько это нужно для свободнаго чтенія безъ лексикона. Онъ хорошо помнилъ правило Жоржъ-Зандъ, которое гдѣ-то въ своихъ письмахъ цитируетъ Тургеневъ: „писатель не можетъ, какъ и всякій человѣкъ, знать все, но il faut tout se contenter“, и для Гаршина не проходило ни одного дня, въ которомъ онъ бы не обогатилъ себя какими нибудь новымъ знаніемъ. И то, что онъ зналъ, онъ зналъ основательно; всякое верхоглядство было противно ему, и я помню, какъ возмущалъ Гаршина лекціи Брандеса о русской литературѣ. — „Вѣдь каждый изъ насъ“, — говорилъ онъ мнѣ, — „знаетъ, положимъ, французскую литературу гораздо лучше, чѣмъ русскую — Брандесъ, и, навѣрно, лучше его говорить по французски; но какой же русскій писатель откажется поѣхать во Францію и читать тамъ лекціи французамъ?“

Весною, на передвижной выставкѣ, Рѣпинъ выставилъ портретъ Гаршина, приобретенный недавно г. Терещенко. Въ газетахъ тогда же появились отзывы объ этомъ портретѣ, въ которыхъ рецензенты говорили, что Рѣпинъ написалъ Гаршина сумасшедшимъ и не сумѣлъ уловить добраго выраженія глазъ Гаршина, составляющаго характерное отличіе его лица. А портретъ былъ написанъ четыре года тому назадъ, въ эпоху „Краснаго дѣвка“, и у Гаршина были именно такіе глаза, какъ на картинѣ Рѣпина, что подтверждаютъ и фотографическіе портреты того времени. Эти отзывы и статьи о другихъ картинахъ крѣпко раздражали В. М., и онъ рѣшилъ написать рядъ статей, гдѣ ему хотѣлось провести тѣ взгляды на искусство, какіе онъ считалъ справедливыми; показать, какъ надо писать такіе статьи, — и, въ особенности, ему хотѣлось уяснить читателямъ истинное значеніе Рѣпина въ русской живописи. Онъ любилъ этого художника, преклонялся передъ его могучимъ дарованіемъ и находилъ, что двѣ послѣднія картины Рѣпина — „Не ждали“ и „Грозный“ — не имѣютъ себѣ равныхъ во всей русской живописи. Онъ служилъ Рѣпину натурщикомъ для его картины „Иванъ Грозный“, съ него написанъ царевичъ Иванъ, и у художника сохранился этюдъ масляными красками съ Гаршина, который является лучшимъ портретомъ покойнаго В. М. Но Гаршину не удалось осуществить своего намеренія; ряда статей не появилось, а появилась одна статья о двухъ картинахъ Сурикова и Полѣнова въ мартовской книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ за прошлый годъ, статья, написанная чудеснымъ

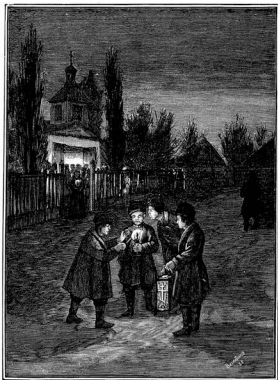
лякомъ, гдѣ Гаринъ высказалъ свой взглядъ на значеніе художника вообще и который можетъ служить образцомъ для статей подобнаго рода.

Въ апрѣлѣ В. М. поѣхалъ въ Крымъ и возвратился въ мѣсяцъ, освѣщенный, здоровый, похорошевшимъ. Онъ задумалъ избраться силъ для предстоящей зѣлковой работы надъ историческимъ романомъ. Въ апрѣлѣ числахъ июня и уѣхалъ изъ Петербурга, а тогда, въ августѣ, возвратился въ Петербургъ, до меня дошла слухъ, что В. М. сына страдаетъ тяжелой душевною болѣзью, и мало надежды на его выздоровленіе. Знакомые и друзья Гарина уже привыкли къ тому, что каждую осень В. М. чувствовалъ себя нехорошо: въ это время года обыкновенно клекло его основныя рѣшенія для каждаго, кто хоть однажды страдалъ душевною болѣзью, и я думаю, что и на этотъ разъ недомоганіе и небольшое нравственное угнетеніе В. М. разрослось въ достижая толпачи въ новую душевную болѣзнь; но когда я услышалъ, что къ нему никто не посылаетъ, пришелъ поправить.

Проехавъ два мѣсяца: въ началѣ октября я узналъ, что Гарину лучше, и отправился къ нему. Нога принесла лангу въ подуманную гостиницу. В. М. посадилъ меня въ кресло у письменнаго стола, сѣлъ на стулъ у окна и глухо, едва слышно, сказалъ: — не обращай вниманія, если я невеселъ: свосвоего говорить, а болеть, мнѣ такъ-то... и сдвинулъ въ руку свою голову. Въ это время зашелъ лакей: В. М. всталъ со стула, и я только тогда увидѣлъ, какъ странно онъ пошатнулся. Онъ похитилъ, платье свободно висѣло на немъ, обрѣзъ широка складка, голова зашла глубоко въ, окруженные синими волосами, горѣла лехородечными огнемъ; нѣтъ лица поражающаго своей бѣдностью, и даже его маленькія уши какъ-то странно побѣжали.

Онъ воспринялъ на меня долгимъ тоскливымъ взглядомъ; а не выходя изъ словъ, въ это время изъ соседней комнаты вышла его сестра, и онъ съ грознымъ вѣдѣмъ подошелъ къ ней, дѣлая ей руки и прѣча у ней на груди свое заплаканное лицо. Она утирала его, какъ милое; онъ не переставалъ вѣдѣть, — а обрѣзая его уходилъ, шипя, что, быть можетъ, мой приходъ настроитъ его, но онъ не устоялъ меня. Помню, что онъ успокоился; слезы утихли, В. М. окладилъ собой и расказалъ мнѣ, какъ онъ потерпѣлъ свое мѣсто секретаря въ сѣдѣхъ представителей желанныхъ дорогъ III группы. Почувствовавъ себя не въ силѣ работать зѣлкомъ, онъ такъ отступилъ въ концѣ июня; но прошилъ два мѣсяца, срокъ отъѣзда близился къ концу, и болѣзнь не проходила. Тогда, чтобы не задерживать тѣхъ, В. М. предложилъ своему начальнику назначить временнаго замѣстителя его должности. Желаніе Гарина было исполнено; но когда онъ нѣсколько поправился и принялъ, что чисто механическая секретарская работа, вонзай, даже будетъ ему полезна, и отправился на службу, то былъ встрѣченъ своимъ замѣстителемъ, на лицѣ котораго В. М. прочиталъ испорченное удивленіе. Службу онъ успѣлъ выдержать болѣзнь В. М. дошла и до начальнаго, и замѣститель былъ увѣренъ, что мѣсто большого сослуживца навсегда останется за нимъ. — «Онъ крайне худо встрѣтилъ меня», — говорилъ В. М. — «почему-то даже назвалъ луженымъ зѣлкомъ мое имя и называлъ меня Александромъ Николаевичемъ, утѣшалъ, что служба недолгою женой зѣлкостью, что будто бы ему пришлось приводить въ порядокъ запутанные мои дѣла, и все существо его было пропитано насмѣхою надъ моею мыслью, какъ бы меня сдѣлать, такъ что я не выдержалъ и сейчасъ же подалъ просьбу объ увольненіи».

Не смотря на то, что весь расказъ объ увольненіи былъ переданъ В. М. почти хладнокровно, — чувствовалось, что потеря мѣста усиливала и безъ того тѣгостное настроеніе В. М.

Послѣ службы въ великій четвергъ.

Рисовалъ В. Византинъ.

Страстная недѣля въ Малороссіи.

На другой день онъ пришелъ ко мнѣ и сообщилъ, что на дорогѣ онъ чуть не утѣлъ, такъ у него закупорилась голова; онъ сказалъ также, что перекрестилъ черезъ улицу онъ не отшатнется, потому что боится попасть подъ колеса вагоновъ конножелезной дороги. Онъ пересматривалъ всѣ мои книги, картины, рисунки; перелестная моя альбомъ, онъ долго смотрѣлъ на свой портретъ, снятый въ Кіевѣ въ 1884 г. вѣдѣлъ съ Ивановичемъ и Мишенькой.

— Какой я тогда былъ живописецъ! сказалъ онъ мнѣ съ грустью, не допуская слезъ утѣшенія.

Съ этого дня и онъ почти такъ часто, какъ и въ прошлую году, вѣдѣвалъ В. М. Его тѣгостное душевное настроеніе долго не проходило. Не разъ, прощаясь меня со слезой во зѣлнѣхъ до зѣлнѣхъ (въ это время онъ жилъ уже въ Понискомъ переулкѣ), онъ говаривалъ: «право, лучше умереть, чѣмъ жить въ тѣгости себя и другимъ». Я пробоваъ обращать разговоръ въ шутку, но онъ оставался на зѣлнѣхъ, держа меня въ рукахъ, вѣдѣлъ, вѣдѣлъ съ собой ироніей пролетѣть зѣлнѣхъ и говаривалъ: — «Умереть какъ не пожелать, а жить такъ? Внизу пролетѣла стопа некая; вѣтеръ чрезъ алмохъ приотворенную дверь подбѣжалъ на зѣлнѣхъ, тѣмъ бродилъ по сѣдѣхъ, а бѣдѣвъ В. М. продолжалъ убѣжденнымъ говорить: — давай жить, что издѣтъ, давай все равно, никогда не обидѣшь, а чѣмъ мѣшаешь; а жить для славы, для искусства, право, сжально. Ну, хорошо, мы добьемся славы Лѣва Толстаго, но въ глазахъ огромнаго большинства дворянъ, который сторожатъ домъ и открываютъ намъ ворота, — и вѣдѣны, и нѣтъ никакого изгнѣнія».

Онъ вѣдѣвалъ подолку оставался на зѣлнѣхъ, чтобы развѣять свои, сдѣланные любимыми, взгляды на дѣлѣхъ со мной, потому что такъ, въ квартирѣ, ему не хотѣлось огорчать семью.

Но приходила зима, возвращалась похолодная зима, и В. М. дѣлалъ все болѣе и болѣе. Если бы не удержаніе его головами боли, В. М. можно было бы считать совершенно здоровымъ. Онъ охотѣ изперомаля литературой, перенативалъ Гоголя, Мерзѣ, Баласа, живо сѣдѣлъ за кривнувшихъ и разнѣзавшихъ талантовъ Антона Чехова. Онъ прелестно зѣлкомъ изсѣдѣлъ блестящую будущность, и каждый новый расказъ Чехова поднималъ и возбуждалъ Гарина. Чередъ два дня শেষъ выходилъ въ свѣтъ книга журнѣла съ новой поистѣю Чехова. В. М. вѣдѣвалъ на Невскомъ Лѣникова и меня. Первый вопросъ, который онъ задавалъ намъ обѣмъ, былъ о «Степѣ». Оказалось, что Лѣникова тогда еще не успѣлъ прочитать этой повѣсти; я отбѣдѣлъ Гарину, что за «Степѣмъ» я привелъ почти все эту книгу.

— Ну, что, каково? спросилъ быстро В. М.

— Хорошо-то — хорошо... началъ я, но В. М. перебилъ меня, возразивъ, что такими тонами стоило говорить объ этой повѣсти. Онъ считалъ «Степѣ» въ ряду выходящихъ литературныхъ явленій; а отбѣдѣлъ съ его мѣдѣнъ, но, отбѣдѣвъ до зѣлнѣхъ, далъ платку Чехова и его мастерскимъ описаніямъ природы, — находилъ, что архитектура повѣсти слаба, и «Степѣ» можно назвать разломъ небольшого этюдочка, соединенныхъ общимъ заглавіемъ. Такъ, споръ, мы проини весь Невскій; В. М. не переставалъ говорить о «Степѣ» и расказывать Лѣникову оцѣриваніе повѣсти. При расказѣхъ и обѣдѣхъ В. М. прѣдѣлъ къ нему сегодня же вечеромъ, но засѣдѣлъ у Лѣникова; тогда пришелъ в Гарина. До зѣлнѣхъ почти мы просидѣли у Лѣникова, тогда, между прочимъ, разговоръ о «Красномъ дѣтѣхъ», кажется, по поводу того, что въ одномъ изъ руководствъ психіатріи этотъ расказъ указывалъ въ числѣ любимыхъ книгъ. При расказѣхъ и обѣдѣхъ В. М. сталъ расказывать о своемъ пребываніи въ Харьковскомъ домѣ умалишенныхъ. Она повѣсти, въ которой онъ почитался, выходящая въ небольшой садъ, у окна росла сирень, педа-

Игра въ янѣ.

Рисовалъ В. Византинъ.

Святая недѣля въ Малороссіи.

леко былъ разбитъ цвѣтникъ. Форточку отворяли на ночь, окно было снабжено толстой желѣзной рѣшеткой.

— И въ чудесныя лунныя ночи, говорилъ В. М.: — я подолгу простаивалъ на окнѣ, прильнувъ лицомъ къ рѣшеткѣ. Въ сиреневомъ кустѣ иногда пѣлъ соловей, или, можетъ быть, мнѣ такъ казалось; до меня доносился ароматъ цвѣтовъ, луна смотрѣла мнѣ въ лицо, и немудрено, если грезы мои имѣли такое направленіе, какъ это рассказано въ „Красномъ цвѣткѣ“. Кромѣ конца, тамъ все правда, я ничего отъ себя не прибавилъ.

Мы пошли проводить В. М. до его квартиры. По дорогѣ онъ продолжалъ восторгаться повѣстью Чехова, приводилъ на память изъ нея нѣкоторыя мѣста, а почти у самаго дома онъ рассказалъ, какъ недавно онъ всталъ въ 5 часовъ утра и долго бродилъ по Петербургу.

— Знаете, говорилъ онъ: — нѣтъ ничего лучше такого ранняго утра: всѣ люди добрые; городовые забывая, что они, по природѣ своей, враги извозчиковъ, обмѣниваются съ ними шутками; дворники тоже ласковые; я зашелъ въ извозничій трактиръ, полный народа; но не только никто не былъ пьянъ, — я не услышалъ ни одного браннаго слова: всѣ мирно сидятъ, пьютъ чай и степенно разговариваютъ.

Еще два раза я былъ у В. М. Въ первое мое посѣщеніе, вечеромъ, онъ жаловался, что Петербургъ его измучилъ, и онъ спитъ и видитъ, какъ бы скорѣе уѣхать изъ города.

— „Степь“ Чехова меня обновила, и мнѣ подъ ея впечатлѣніемъ хочется поскорѣе уѣхать, а то здѣсь, что ни день, то новое огорченіе.

Во второй разъ, я видѣлъ Гаршина въ воскресенье, 13-го марта; онъ пригласилъ меня къ обѣду. За обѣдомъ говорили о Флоберѣ. Онъ считалъ его величайшимъ писателемъ нашего времени и тутъ же далъ себѣ слово, пріѣхавъ на Кавказъ, немедленно заняться переводомъ „Искушенія св. Антонія“, единственной книги Флобера, не имѣющей въ русскомъ переводѣ. Я выразилъ сомнѣніе въ возможности появленія у насъ, по цензурнымъ условіямъ, этого сочиненія и привелъ въ примѣръ покойнаго С. П. Якубовича, который перевелъ и издалъ эту книгу въ Москвѣ, но ее не разрѣшили; однако на В. М. мои доводы не подѣйствовали, и онъ сказалъ, что теперь нѣтъ никакихъ причинъ, могущихъ служить препятствіемъ, и повторилъ, что непременно, сейчасъ по пріѣздѣ въ Кисловодскъ, займется переводомъ.

Послѣ обѣда мы поговорили съ полчаса, и я всталъ, чтобы прощаться — дома меня ожидала срочная работа. В. М. упрашивалъ провести съ нимъ вечеръ, говоря, что врядъ ли мы успѣемъ еще свидѣться. Но я взялъ съ него слово, что онъ наканунѣ отъѣзда дастъ мнѣ знать письмомъ, и ушелъ.

Но я не получилъ этого письма; черезъ пять дней Гаршина не стало, и я увидѣлъ его уже въ гробу.

Мои отрывочныя воспоминанія не могутъ дать полного представленія о личности Гаршина, и слишкомъ свѣжа еще утрата, слишкомъ свѣжа память о немъ, чтобы такой трудъ былъ дѣломъ возможнымъ. Въ жизни я не встрѣчалъ и врядъ ли встрѣчу человѣка съ такой душевной чистотой, какимъ былъ покойный В. М. Искренность его доходила до того, что онъ старался избѣгать человѣка, съ которымъ онъ бы не могъ быть вполне откровеннымъ, а другихъ отношеній между людьми онъ не признавалъ.

Его окружало всеобщее уваженіе, онъ возбуждалъ единодушную любовь у всѣхъ, кто видѣлъ его хоть однажды. Тургеневъ въ одномъ изъ писемъ къ В. М. говоритъ: — „счастливъ писатель, который наклонѣнъ своихъ видѣть, что у него есть наслѣдникъ. Такое счастье выпало на мою долю, когда я узналъ васъ, В. М.“ Его любилъ Левъ Толстой, въ домѣ Я. П. Полонскаго онъ былъ всегда дорогимъ гостемъ, авторъ почти каждой вновь выходящей книги считалъ своимъ долгомъ послать ее Гаршину, сверстники и товарищи-писатели любили его, какъ брата; не смотря на свой громадный успѣхъ, онъ ни въ комъ не возбуждалъ чувства зависти, у него не было ни одного врага, и его талантъ признавали въ самыхъ противоположныхъ лагеряхъ нашей печати.

Часто, при жизни Гаршина, смотря на его прекрасное одухотворенное лицо, на его глаза, которыми говорило его чистое сердце, я вспоминалъ про себя слова Милля: — „еслибы въ земной жизни чаще встрѣчались подобныя существа, то для вѣрующаго человѣка было бы излишней наградой обѣщаніе загробныхъ блаженствъ“.